

УДК 398.21 + 398.22 + 398.1 + 811.35
DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

Воплощение мифа о женщине-змее в повести А. Ремизова «Мелюзина» и армянские предания

Э. А. Саакян

*Ванадзорский государственный университет
Ванадзор, Республика Армения*

Аннотация

В мировом фольклоре широкое распространение имеют как миф о женщине-змее, так и мотив рождения «чудесных детей» от полулюдей-полуживотных, ставших «прародителями» царских династий.

Мелюзина – фея, героиня народного сказания кельтского происхождения. Часто изображалась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с двумя хвостами. Легенда о Мелюзине восходит к мифологическому мотиву «священного брака» хтонического существа с небесным божеством, который затем трансформировался в сказочный мотив «чудесного супруга» (AaTh 400-459).

Рассмотренные нами народные предания о русалках и прочих травестиях женских персонажей в змее обнаруживают непосредственную связь с культом богини любви и плодородия. Все аналогичные персонажи, как и Мелюзина, выявляют связь с лунной символикой, а также с потусторонним миром. Луна и звезды имеют сакральное символическое значение в произведении А. Ремизова и сопутствуют фрагментам появления Мелюзины, а также наличествуют при всех важных и судьбоносных событиях, таких как смерть Эмери, встреча Раймонда и Мелюзины у источника, свадьба.

Нами выявлено сходство образа Мелюзины с рыбоподобными и змееподобными персонажами армянских фольклорных и мифологических текстов. Большой светящийся камень на лбу Мелюзины являет собой отголосок мотива волшебного камня на голове царя змей или лягушек. В поверьях народа змеи олицетворяют собой духи, души предков. Они живут в своих старых домах и защищают их. И змей, и дух предка заинтересованы в плодovitости рода и плодородии полей.

Структурно повесть А. Ремизова состоит из трех частей: «История повести», «Мелюзина», «Коловорот». В свою обработку легенды о Мелюзине А. Ремизов внес психологические мотивировки поступков героев.

В результате исследования легенды о Мелюзине в литературной обработке А. Ремизова, можем заключить, что Мелюзина обнаруживает теснейшую связь с языческими божествами плодородия, а также все три сестры-феи так или иначе связаны с Армянскими царствами и армянской мифологией.

Ключевые слова

запрет Мелюзины, мотив священного брака, чудесный супруг, морская дева, драгоценный камень змеи, источник

Для цитирования

Саакян Э. А. Воплощение мифа о женщине-змее в повести А. Ремизова «Мелюзина» и армянские предания // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 26–39. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

© Э. А. Саакян, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

The Embodiment of the Myth about the Woman-Snake in A. Remizov's Story "Melusina" and Armenian Legends

H. A. Sahakyan

Vanadzor State University
Vanadzor, Republic of Armenia

Abstract

In world folklore, both the Myth of the Snake-woman and the motive of the birth of "wonderful children" from half-humans-half animals are widespread.

Melusine is a fairy, a heroine of a folk tale of Celtic origin. Often depicted as a female-snake or female-fish from the waist downwards, sometimes with two tails. The Legend of Melusine goes back to the mythological motif of the "sacred marriage" of a chthonic being with a celestial deity, which was then transformed into the fabulous motif of the "wonderful spouse" (AaTh 400-459).

The folk legends we have considered about mermaids and other travesty of female characters in snakes reveal a direct connection with the cult of the goddess of love and fertility. All similar characters, like Melusine, reveal a connection with lunar symbolism, as well as with the other world. The moon and stars have a sacred symbolic meaning in the work of A. Remizov and accompany fragments of Melusine's appearance, and are also present at all important and fateful events, such as the death of Emery, the Meeting of Raymond and Melusine at the source, and the Wedding.

We have revealed the similarity of Melusine's image with fish-like and snake-like characters in Armenian folklore and mythological texts. The large luminous stone on Melusine's forehead echoes the motif of the magic stone on the head of the king of snakes or frogs.

In the beliefs of the people, snakes personify spirits, the souls of ancestors. They live in their old homes and protect them. Both the serpent and the spirit of the ancestor are interested in the fertility of the clan and the fertility of the fields. Structurally A. Remizov's Story consists of three parts: "The Story of the Story", "Melusine", "Kolovorot". In his treatment of the legend of Melusine A. Remizov introduced psychological motivations for the actions of the heroes.

As a result of the study of the Legend of Melusine in the literary processing of A. Remizov, we can conclude that Melusine reveals the closest connection with the pagan deities of fertility, as well as all three fairy sisters are in one way or another connected with the Armenian Kingdoms and Armenian mythology.

Keywords

prohibition of Melusine, motive of sacred marriage, wonderful spouse, sea maiden, stone of a snake, water source

For citation

Sahakyan H. A. The Embodiment of the Myth about the Woman-Snake in A. Remizov's Story "Melusina" and Armenian Legends. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 26–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

Повесть А. Ремизова «Мелюзина» входит в последний крупный цикл произведений «Легенды в веках», над которым работал А. Ремизов в период 1947–1957 гг., после смерти С. П. Ремизовой-Довгелло, и посвящен теме утерянной, но бессмертной любви. Мелюзина – фея, героиня народного сказания кельтского происхождения, что отмечено и в повести А. Ремизова; дух свежей воды в святых источниках и реках. О ней существовала бретонская песня (лэ), содержание которой

осложнилось местными сагами и «бродячими» сказаниями литературного происхождения. Представлялась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с двумя хвостами. Другие варианты произношения – *Мелюзайн*, *Мелизанда*.

Мудрая Мелюзина помогала мужу приобрести богатство, стать могущественным государем и основателем царского дома Лузиньянов. К концу XII в. младшая ветвь этой семьи через брак и наследование стала управлять королевствами Иерусалима и Кипра, впоследствии присоединив Малую Армению.

Старшая ветвь оказалась прочно связанной с правителями другого армянского королевства – Киликии, которое Лузиньяны опять же посредством удачного брака унаследовали в середине XIV в.

По легенде, Мелюзина родила десять детей: двух дочерей и восьмерых сыновей, в их числе Жоффруа Большой Зуб и Гвидон (Ги). В литературной обработке А. Ремизова за пять лет плодovitая Мелюзина рождает десять сыновей: Ги, Одон, Уриан, Антуан, Реньо, Жоффруа, Фруамон, Оррибль, Тъери, Раймонд. С рождением детей появлялись новые города вокруг Лузианы. Во всех версиях легенды Мелюзина воздвигала замки, распахивала земли и строила города. Первым замком, созданным ею, стал замок Лузиньян. Жан д'Аррас в труде «Благородная история Геньяна» (1393 г.) отмечает, что именно Мелюзина воздвигла за одну ночь таинственные здания с помощью толпы слуг, которые бесследно исчезли после завершения работы [Баринг-Гоулд, 2009]. А. Ремизов в повести «Мелюзина» отмечает появление «обыденного», т. е. построенного за день, города. Ср. со сказочными слугами, например, в сказке «Царевна-лягушка» [Афанасьев, 2008, с. 201–205]. Ее дети наследуют троны великих держав, становятся могущественными королями, но при этом у всех есть физический изъян – пятно на теле, звериная метка, клыки, один глаз выше другого. Ср. в повести А. Ремизова: «Одного она отравила в колыбели: это был комок колючих волос со злыми глазами, и клыки явственно прорезались в его молочном рту, она боялась, Оррибль убьет своих братьев» [Ремизов, 2001, с. 379]. Построенные ею здания точно так же имели недостатки, как и те мосты дьявола, в которых всегда недоставало одного камня. Мелюзина выходит замуж за смертного, поставив ему условие, чтобы он никогда не видел ее в зверином обличье. Когда он застаёт ее в таком виде, она оставляет его.

А. Ремизов указал основные источники для создания повести: 1) Пыпин. Очерк. С. 230–233; 2) История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1882. № XLII–LX [тексты повести]; 3) Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1880. № XLII. С. 73–80; 4) Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. СПб., 1898. № СХХVIII. С. XLIV–XLVI, 31–32; 5) Всеволодский-Генгросс В. Н. История русского театра Л.; М., 1929; 6) Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. I. С. 482; Т. IV [Ремизов, 2001, с. 354–355].

А. Ремизов выделил из основного источника (№ 2) сюжетную первооснову – историю о союзе человека и волшебного существа. Им были составлены предварительный план и списки имен героев, взятые из источников № 1–3. Первая редакция – это эпический рассказ, легенда, сохраняющая «жанровую память» сказки о «красавце и чудовище». Ее основная тема – *нарушение запрета и причинение зла*, в дальнейшем получившее название «запрет Мелюзины» [Дюмезиль, 1976, с. 254]. Во второй редакции А. Ремизов обратился к одному из первоначальных

видов драмы – античной трагедии. Усыновление Раймонда дядей Эмери было интерпретировано Ремизовым, как *легализация тайного отцовства*, а невольное убийство, совершенное главным героем, типологически сближено с мотивом царя Эдипа: «– Я всё знаю, – говорит Мелюзина, – <...> ты убил отца. – Эмери – отец?» [Ремизов, 2001, с. 370].

А. Ремизов начинает «Историю Мелюзины» с рассказа о детстве Раймонда. Описывается яблоневый сад отца Раймонда, символические «палые» яблоки, отвезенные вместе с сыном в дом Эмери. Именно в первой части А. Ремизов устами Эмери – графа Пуату, рассказывает историю проклятия Мелюзины. В отличие от вариантов легенд и обработок, А. Ремизов обращается также к судьбе двух сестер Мелюзины.

А. Ремизов сформировал новую жанровую структуру произведения с усилением роли «Хора» и авторского комментария после каждого сюжетного эпизода. При этом обозначение «Хор», связанное с античной трагедией, которое присутствовало как в предшествующих редакциях «Мелюзины», так и в других повестях-апокрифах А. Ремизова, например, «Иродиаде», в окончательной версии повести «Мелюзина» отсутствует. В «Предисловии» А. Ремизов программно заявил о трансформации мифологического сюжета в процессе его письменной фиксации и охарактеризовал свою задачу как воскрешение мифа с помощью новых художественных средств. В недатированном письме А. Мазуровой А. Ремизов так обозначил свою эстетическую задачу: «Мелюзина, как и другие мои легенды, не реставрация (воспроизведение оригинала), не пересказ (пересказ предполагает оригинал), а творчество, как я говорю, “по материалу”, который мне всегда толчок вспомнить, что я видел, чувствовал и о чем подумал однажды <...> Я учился у Эсхила и Эврипида и пробудил в себе голос судь. Мне это было нетрудно: ведь всё мое – “сужу свою душу”» [Там же, с. 363].

В свою обработку легенды о Мелюзине А. Ремизов внес психологические мотивировки поступков героев. Это – также результат выделения писателем трагического в своей первооснове «народного мифа», который, функционируя в виде сказки, приобрел «ложную» благополучную концовку в народной традиции.

Структурно повесть А. Ремизова состоит из трех частей: «История повести», «Мелюзина», «Коловорот». В первой части представлены сведения об источниках, которыми пользовался А. Ремизов. Вторая часть состоит из 12 глав, представляющих собой эпизоды развития сюжета с комментариями «Хора». В третьей части, состоящей из 7 главок, А. Ремизов представляет свою интерпретацию знаменитой легенды о Мелюзине.

А. Ремизовым представлена историческая справка о генеалогии рода Лузиньян – будущих армянских царей, в частности отмечается родоначальник династии Лузиньян – Зубастый Жоффруа, его отец «потерянный Раймонд» и мать Есташ Шабо (Eustache Chabot) – Мелюзина, также отмечены авторы знаменитых переводов мифа [Там же, с. 364]

В первой части повести А. Ремизов дает подсказку о сущности Мелюзины в вводной темой об оборотнях, духах, в частности в кельтских мифах. Себя А. Ремизов представляет как очевидца событий, глаз которого способны рассмотреть не только человека и зверя, растение и духа, но еще и человеко-зверя и человеко-духа. Вывод о сущности Мелюзины в дальнейшем подкрепляется цитатой из по-

эмы М. Лермонтова «Демон»: «Им в грядущем нет желанья, / Им прошедшего не жаль»¹ [Ремизов, 2001, с. 363с].

Союз человека и волшебного существа: мотив «священного брака» (нерогами)

Легенда о Мелюзине восходит к мифологическому мотиву «священного брака» хтонического существа (матери-сырой земли, богини очага) с небесным божеством, который затем трансформировался в сказочный мотив «чудесного супруга» (супруг / супруга или иной родственник) (AaTh 400–459) [Андреев, 1929, с. 34].

История феи Прессины и ее брака с королем Элиасом также является вариацией на тему брака со сверхъестественным существом. Мелюзина и Прессина – это водяные феи или нимфы, не подлежит сомнению, что обе они обитают у источника, и превращения хозяйки замка Лузиньян выдают ее водяную природу. Как отмечает Баринг-Гоулд [2009], легенда о Мелюзине – галльская, а следовательно, представляет собой кельтский миф, что подтверждается легендами о банши, форму которой порой принимает несчастная нимфа.

Согласно средневековым текстам, Элиас (Elynas, Helmas, Thiaus), король Альбы, отправившись однажды на охоту, встретил в лесу у источника прекрасную фею по имени Прессина (Pressyne, Персина). Фея согласилась выйти замуж за Элиаса, но при одном условии, что он не будет входить в ее спальню, когда она рождает или купает своего ребенка. Прессина рождает тройню. Когда Элиас нарушает запрет, она покидает королевство, забрав трех своих дочерей, и отправляется на затерянный остров Авалон.

Три девочки – Мелюзина, Мелиор (Melior) и Палатина (Palatyne) в день своего 15-летия, узнав о клятвопреступлении отца, схватили Элиаса в плен и заперли его вместе с его богатствами в скале. За этот грех сестры были прокляты матерью.

Жан Аррасский утверждает, что рыбий хвост у Мелюзины – результат заклятия, наложенного на нее феей Прессинной, но это его собственная версия. Происхождение Мелюзины было ему неизвестно, и поэтому он вынужден был вставочной сюжетной линией объяснить наличие хвоста. Мелюзина была русалкой, обитала в источнике, а рыбий хвост указывает на ее сущность [Баринг-Гоулд, 2009].

В XIV в. конструкция легенды о Мелюзине обретает законченный вид. Фабула делится на три части: фея выходит замуж за смертного (Раймонда, Раймондина, Хенно и т. д.), строго наказывая ему соблюдать запрет; пара живет счастливо и добивается значительного богатства; запрет нарушен супругом: фея исчезает, а вместе с ней исчезает и процветание, принесенное ею в качестве приданого. Ср. в повести А. Ремизова на месте замка и города оказывается пустыня, исчезает даже источник [Ремизов, 2001, с. 388].

Брат Раймонда Бертрам наговорами возбудил в нем ревность к супруге, и он решил узнать, что делает его жена по субботам. Раймонд увидел ее нагой, плавающей со змеиным хвостом. Мелюзина, несмотря на то что супруг нарушил запрет, простила его. И лишь когда один из их сыновей убил другого, Раймонд

¹ Лермонтов М. Демон. СПб.: Изд-во Тов-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1910. С. 20.

обозвал ее «змеей» перед лицом своего двора, она превратилась в дракона. *Одарив Раймонда двумя магическими кольцами Мелюзина улетела*, чтобы никогда не возвращаться, трижды облетев вокруг замка с раздирающим душу криком (*Cri de Meluzine*). Во фрагменте о передаче колец Мелюзиной возникает параллель и со сказочными текстами, например со сказкой «Змея Скарапея». С тех пор она была покровительницей дома Лузиньян, потомки которого правили и армянскими престолами в том числе, предупреждая их о грядущем несчастье. По поверью, призрак Мелюзины должен скитаться по земле до дня Страшного суда, а ее крик слышат каждый раз, когда очередной наследник Мелюзины близок к смерти.

Мелюзина ищет союза со смертным мужчиной для того, чтобы избавиться от заклятия. А. Ремизов проводит параллель с русалками, духами, желающими очеловечиться: «Но у каких-то духов, близких к человеку, неутоленное желание очеловечиться – русская кикимора» [Ремизов, 2001, с. 363].

Образ Женщины-змеи (рыбы)

Образ Женщины-змеи (рыбы) в народных поверьях и фольклоре многих народов имеет широкое распространение. Образ Мелюзины обнаруживает некоторое сходство с банши из кельтской мифологии. Ирландскую банши описывают как высокую худую женщину с непокрытой головой и длинными развевающимися волосами, облаченную во что-то, напоминающее свободный белый плащ или кусок ткани, обернутый вокруг нее. Банши издавала пронзительные вопли. У других народов также существуют мифы о вестниках смерти, «однако их персонажами не являются женщины, опекающие определенный род и возвещающие о приближении короля ужаса своими пронзительными криками в ночи» [Баринг-Гоулд, 2009]. Ср. со знаменитым криком Мелюзины.

Исследователь М. Ананикян утверждает, что у армянского народа распространено «огромное количество сказов о змеях, подобных историям о матери-змее скифского народа и Мелюзине, имеющей облик змеи, жене графа Раймона Пуатге (Лусиньяна)». Но духи армянских преданий в основном злые, имеют сходство с демонами, так как подобно демонам, они «изнуряют людей болезнями и другими несчастьями». Согласно армянским поверьям, змеи олицетворяют собой духи, души предков. Они живут в своих старых домах и защищают их. И змей, и дух предка заинтересованы в плодovitости рода и плодородии полей. Они обладают исключительной мудростью, исцеляющей силой, дарят богатство и т. д. [Ананикян, 2010]. Как видим, описание вполне подходит образу Мелюзины – хранительницы дома Лузиньян (Лусиньян).

Известно, что фольклорный образ русалок имеет непосредственную связь с луной. На первый взгляд сложно усмотреть связь между луной, богиней воды и божеством, покровительствующим деторождению; но она существует. Венера из классической мифологии родилась из пены морской и также была связана с луной. Вместе с тем она была богиней любви, и ей поклонялись беременные женщины – как в Бретани к Венере Кимперлейской обращались бездетные женщины.

Луна и звезды имеют сакральное символическое значение в произведении А. Ремизова и сопутствуют фрагментам появления Мелюзины, а также наличест-

вуют при всех важных и судьбоносных событиях: смерть Эмери, встреча Раймонда и Мелюзины у источника, свадьба.

В повести А. Ремизова портрет Мелюзины создан не четко, она не описана детально при первой встрече с Раймондином, но при этом писатель создает ее описание с помощью вовлечения символики луны: «Лицо ее лунной водой струится между черных берегов, глаза дремучая лазурь. У ее ног источник» [Ремизов, 2001, с. 370]. Отметим, что в Греции жрицы Деметры назывались мелиссами. Двойственной природой Милитты, праматери всего и одновременно богини луны, объясняется то, что в Греции ее именем стали называться и жрицы Деметры, и жрицы Селены.

Имя Мелисса, возможно, распространилось в Галлии через фокейское поселение в Массилии, современном Марселе. Оно проникло в мифологию галльских кельтов и закрепилось там в качестве общего названия нимф, а затем уже окончательно перешло к Мелюзине [Баринг-Гоулд, 2009]. В повести А. Ремизов не раз называет источник в диком лесу Коломбье заколдованным местом: «Есть на земле чистые места – Святая Земля, Мекка и Медина, и нечистые: заколдованное близ Диканьки и в Коломбийском лесу Источник – утолимая жажда. А на свадебных приглашениях указано было для сбора именно это нечистое место: Источник» [Там же, с. 376]. А. Ремизов вводит в текст аллюзию на повесть Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) о разгуле нечистой силы. Источник Мелюзины должен находиться в лесной чаще, в месте под названием Лузина, или Люсина, что означает «приносящая свет», ср. арм. «luys / lus» – «свет», «lusin» – «луна».

А. Ремизов указывает, что во время превращений глаза Мелюзины светились кровавым красным и иззелена-синим огнем [Там же, с. 387], т. е. цветами пламени, огня. Ср. с Цовинар (Շուրիշր, Цовян – Շուրի, т. е. «рожденная от моря») – в древнеармянской мифологии богиня воды, моря, дождя, а также дух грозы с огненными глазами, из которых выходит молния. Чтобы наказать людей, она насыпает град. Интересно, что в армянской мифологии Цовинар выступает и как повелительница грома. По народным поверьям, Цовинар появляется на небе в темную непроницаемую ночь в виде изогнутой сверкающей молнии, и с неба начинает литься живительный дождь. Однако в дальнейшем Цовинар стала ассоциироваться с Цови-мар (Շուրի մար) – живущим в воде злым духом, змеей (перс. «mâg» – «змея»). В армянских народных представлениях, Цови-мар – морские змеи – духи воды, они похожи на женщин с длинными волосами, в которых заключена их сила [Шахазиз, 1902, с. 53]. Цовинар постепенно переходит в морскую русалку. В образах русалок выявляются функции морской богини, они имеют общность с Хурник *hrēxen* «խորհրդիկ հրեղեն» (букв.: «глубоководные огненные девы») – морскими девами. Морские девы армянского фольклора необычайно красивы, частично выявляют сходство с греческими сиренами – выходят наполовину из воды, соблазняют моряков и причиняют им вред [Лалаян, 1908, с. 93].

Мелюзина в повести А. Ремизова *зовет Раймонда по имени*, и, несмотря на то что он не услышал, «судьба-конь» [Ремизов, 2001, с. 392] всё равно примчал его к источнику.

Со временем некоторые черты женщины-змеи передаются персонажам низшей демонологии, таким как русалки, духи, феи, сирены, откуда они перешли в сказки и предания. Интересно, что в славянском фольклоре мелюзинами часто называли

русалок. Кроме визуального сходства Мелюзины – «морской девы», и русалок (наличие чешуйчатого хвоста, обитание в водном-речном пространстве) и благодаря их пению прослеживается и мифолого-функциональное родство с русалками и сиренами. Во всех вариантах мифа о Мелюзине отмечается, что путник идет на звуки красивого голоса и обнаруживает деву невиданной красоты, которая либо поет, либо зовет героя по имени. Исследователь Сабин Баринг-Гоулд отмечает, что «сначала у сирен присутствовали крылья, но потом, когда появилась легенда об их раздоре с музами и низвержении в море, они приняли форму полурыб. Внешний вид их был позаимствован у Деркетто» [Баринг-Гоулд, 2009]. На основе широкого распространения веры в женщин-полурыб в виде легенд и сказок о русалках кельтских народов исследователь приходит к выводу, что изначально водные нимфы были их божествами, а «круглое зеркало, которое они обычно держат в руке, – это не что иное, как напоминание о диске луны» [Там же].

Цовинар также генетически восходит к древнеармянской богине весны, земли и воды Нар. С водной стихией тесно соотносились и другие богини армянского пантеона, такие как Анаит и Астхик.

Согласно армянским преданиям, там, где сливаются реки Евфрат и Арацани, под дождем на вершине скалы часто видели невиданную красавицу с широким лбом, длинными волосами, со сводчатыми густыми бровями, с густыми длинными ресницами, миндалевидными глазами, с грудью, как круглые дыни, которая своими нежными длинными пальцами расчесывает свои волосы, разбрасывает их на плечи и грудь. Говорят, что эта красавица, которая ниже спины – рыба, а выше спины – женщина, наша мать Анаит [Мелик-Пашаян, 1963, с. 154–155].

Лягушка также является хтоническим существом: с одной стороны, она – символ нижнего мира и подземных вод, а с другой – символ хаоса, также связана с плодородием, дождем, грозой и возрождением, имеет дополнительную лунную и женскую символику. В армянской действительности культ лягушек был связан с культом богини Нар, который впоследствии объединился с культурами богини любви Астхик и богини плодородия и материнства Анаит [Кешишян, 2007, с. 250].

Лягушка, будучи нечистым животным, в народных представлениях функционально сближается со змеей. И у лягушек, и у змей есть свой царь, имеющий на голове корону. По армянским поверьям, на голове некоторых змей находится чаша. Кто завладеет этой чашей, тот станет хозяином сокровищ. По другим армянским поверьям, у царя змей в голове есть бусинка, которая светит в темноте. Бусина – лекарство от всех болезней, а также дарит людям мудрость и волшебное могущество [Лалаян, 1897, с. 60]. Ср. ремизовское описание светящегося камня: «Звезда – рубиновая росплавь – змеей лучится из окна» [Ремизов, 2001, с. 381–382].

На наш взгляд, предание о чудесном светящемся камне на лбу царя змей, отраженное в легенде о Мелюзине в виде красного камня на ее лбу, является трансформацией мотива вынимания драгоценного камня из головы змея (дракона). В более поздних фольклорных текстах мотив сначала получил форму вынимания колец из пасти змея, часто мертвого [Армянские народные сказки, 1979, с. 35], «Младшая невестка» (арм. «Մլճուկի հարսը») [АНС, 1979, с. 140–143], а затем отразился в текстах о чудесном светящемся камушке, исполняющем желания, и приносящем удачу – камень удачи (арм. դրժիթ քար), который в сюжетах дан-

ной группы уже никак не ассоциировался со змеем. Напомним, что, как нами уже было отмечено, в армянских фольклорных текстах и в мировом фольклоре змея, лягушка, рыба часто одаряют магическим кольцом (кольцами) своего спасителя, например в русской народной сказке про «Змею Скарапею»; или же кольца оставляет чудесный супруг (супруга) перед исчезновением, например в армянских народных сказках «Девушка-Лягушка» (арм. «Չորիկ արջիկ») [АНС, 1977, с. 54], «Змеиная бусинка» (арм. «Օձի հիւնք») [Там же, с. 51], «Бабр» (арм. «Բարբ») [Там же, 1962, с. 243–262], «Дитя змеи и Дитя солнца» (арм. «Օձ-մամուկ և Արիւն-Արմանիկ») [Там же, с. 17–182].

В связи с этим считаем целесообразным обратить внимание на внешний вид статуй богини любви и плодородия. В частности, на голове рыбоподобной статуи богини Атаргатис в Герополисе была *светящаяся бусина*, которая «освещала всё святилище», а на голове другой статуи был золотой голубь – символ богини [Абегян, 1975, с. 165].

Армянские народные сказки, составляющие группу о «Чудесном супруге» часто контаминируют с другими, схожими по сюжетной линии группами сказок. В них жених обычно является змеем-вишапом (арм. վիշապ).

Мариэтта Шагинян в качестве самых распространенных действующих сил армянской сказки отмечает Змея наряду с Морской лошастью, Хазаран блбул (Тысячеголосый соловей) и Дэвами. Причем, главная черта змей в армянских сказках – верность. Змеи могут быть способны на благородство и даже на самопожертвование, как, например, Шах-Марар – царь змей [АС, 1633, с. 16].

Оборотни-женщины армянских сказок часто настроены враждебно по отношению к человеку и хотят его извести, хотя поначалу такая женщина может взять себе в мужья бедняка и жить с ним в согласии. В армянской народной «Сказке про змею» (арм. «Օձի հերիշաք») [АНС, 1959, с. 397–403] прибывший из Индии (Китай, Стамбула) купец, догадывается о змеиной сущности женщины с помощью кольца или другого предмета и советует мужу на ночь накормить жену чем-то соленым либо мясом, которое она не ест, а после вылить всю воду, имеющуюся в доме и смотреть, что будет. Жена же, проснувшись ночью от жажды, оборачивается в змею и протягивает через трубу голову, муж видит, как по ее вытянутой шее пробегают судороги, – это жена-змея пьет воду прямо из колодца. Купец предупреждает мужа, что жена убьет его по истечении шести лет. А чтобы ее уничтожить, нужно оборотня-женщину сжечь в печи. После сжигания жены остаются *камушки, имеющие свойство превращать предметы в золото*.

Мотивы «запрета Мелюзины», «чудесного супруга», за ночь выполняющего трудные поручения, трагедии внешнего облика объединяются под сказочным типом «Царевна-Лягушка» (AaTh 402) [Андреев, 1929, с. 34]. Однако по сравнению с образом мифологической женщины-змеи образ сказочного супруга-змея чаще является положительным.

Таким образом, в армянских фольклорных сюжетах о сватовстве и браке часто выявляется образ змея-оборотня, что мы склонны рассматривать как трансформацию сюжета о священном браке – иерогамии.

Сцене свадьбы в повести А. Ремизова также отводится важное место. Мелюзина выходит к жениху именно из церкви, где шла всенощная. Значительным отличием от всех остальных вариаций легенды является то, что Мелюзина в повести А. Ремизова не боится крестного знамения, окропления, молитв. Она необычно-

венно набожна: «С каким усердием молилась она: вымоленное закрепляла истовым крестом и глубоким поясным поклоном, или в смутной тревоге умоляет продлить милость и не оставить, укрепив, и не покинуть» [Ремизов, 2001, с. 375]. Мелюзина возводит церкви: «Неподалеку от Лузианы построен был по желанию Мелюзины монастырь Меллезик: храм во имя Богородицы – Утолимая печаль» [Там же, с. 379]. Раймонд и Мелюзина венчаются по всем христианским канонам. Свадьба представлена как своеобразное карнавальное действо, все гости – ряженные, а то и неживые вовсе: «...у попа под епитрахилью гуляет воздух, а ноги куриные, и у молящихся только шейные позвонки – для виду» [Там же, с. 375]. Это действо больше напоминает похоронный обряд. Путь ко дворцу Мелюзины лежит через церковь, чтобы попасть в ее мир, Раймонд должен стать ее мужем, т. е. войти в церковь. Фактически А. Ремизовым введена сцена обряда инициации Раймонда. Поэтому именно после венчания Мелюзина объявляет о том, что Раймонд теперь господин над всеми. Он не только стал ее мужем, пройдя свадебный обряд, но и частью потустороннего, демонического мира. Перед нами отголосок престолонаследия посредством заключения брака, весьма распространенного явления в Средние века и в особенности у представителей династии Лузиньянов: «Всё, что ты видишь, было всегда, говорит Мелюзина <...> земля и вместе со мной, всё в твоей власти. // Она поднялась по ступеням к царским вратам и с амвона громогласно объявила, что не она теперь, а Раймонд господин над всем» [Там же].

Вся атмосфера свадьбы полна волшебным демоническим духом, даже без «свеч и электрических лампочек было что-то вроде электрического света со вспышкой, <...> демонские светящиеся перемиги».

В текст повести А. Ремизов вплетает славянские традиции празднования свадьбы на Руси, даже детские считалки, а в ремизовском сравнении невесты и яблони выявляются следы армянского брачного обряда: «Мелюзина – красная яблоня, в ее синей дреме робкое счастье» [Там же, с. 376]. В данном сравнении нетрудно заметить очевидное сходство женщины, женского начала с древом мудрости, ярко выраженном в традициях и обрядах разных народов, в том числе и у древних армян [Петросян, 2004, с. 30–31].

В третьей части повести о Мелюзине – «Коловорот» – А. Ремизов открывает читателю смысл повествования: «Легенда раскрывает природу человека: жалкий человек!» [Ремизов, 2001, с. 390].

Главным действующим лицом в повести выступает Судьба. Разлука как судьба наиболее полно разработана Ремизовым в «Мелюзине». По Ремизову, желание феи Мелюзины очеловечиться, неисполнимо, поэтому ее судьба и ее трагедия – разлука: «Мелюзина ждала человека, дождалась и потеряла, и на ее вечный век ждать ей нечего, разлука» [Там же, с. 392]. Разлука в случае Мелюзины – это судьба, так как «проклятие судьбинно-роковое»: Раймонду суждено убить отца, Мелюзине – быть проклятой.

А. Ремизов также вводит в текст повести на мифический сюжет своих современников. Танцоры на свадьбе, способные конкурировать и даже превзойти современного А. Ремизову французского балетмейстера Вестриса, и похожи на *змей*: «Трудно сказать, балетные ли это танцоры или змеи – змеи вылуплялись из цветного воздуха и вышелушивались из воздушных цветов» [Там же, с. 377].

В то же время гостями замка, своими глазами увидевшими конец чудесной и трагической истории, стали автор хроники графов Лузиньян Шан Дарас (XIV в.)

и переводчики этой повести на немецкий, польский и русский языки Туринг фон Рингельтинген (XV в.), Мартын Сенник (XVI в.) и дьяк Иван Руданский (XVII в.) [Ремизов, 2001, с. 388].

Представляет собой интерес также привлеченная А. Ремизовым сцена превращения Мелюзины. По версии А. Ремизова, она не травестируется сразу из женщины в змею. Писатель детально показывает переход женского тела в звериное, со лба которого повисла львиная лапа. С исчезновением лапы на плоском безглазый «над птичьим носом сел паук, изо рта вырезались клыки, и длинный волчий волос колеблется на носу. Косматый зверь! – ноги грузно подымались скакать» [Там же, с. 387]. В этом фрагменте можно выявить детали, имеющие отношение к функциям и атрибутам божества плодородия, которое в Армении почиталось в образе рыбы, было непосредственно связано как с дождем и влагой, так и со змеиной сущностью.

Языческое божество плодородия в Ассирии, Вавилоне и Финики называли Милита, Иштар, Деркетто, Астарто, Аштарт, среди греков – Афродита, среди персов – Анаит, среди армян – Анаит и Астхик. В ее честь на территории Армении были воздвигнуты рыбоподобные статуи – вишапы. Первое письменное упоминание о вишапах выявляются в труде Езника Кохбаци «Опровержение ереси». В произведении, несмотря на отрицание народных суеверий, утверждается оборотничество вишапов из человека в змей и копытных животных [Абегян, 1975, с. 111–112]. На некоторых вишапах высечены птицы [Там же, с. 166]. Между тем богиня Астхик – Анаит – Деркетто и ее дочь Шамирам (Семирамида) всегда были связаны с голубями. В Ассирии ее почитали в облике голубя, также было предание, что Шамирам вырастили и вскормили голуби. Атрибутами богини плодородия и вод были голубь и рыба [Там же, с. 156].

На армянских вишапах бычья голова высечена со шкурой и передними копытами, что является фиксацией обряда жертвоприношения телки или белого быка – имевшего место в культе богини Астхик – Деркетто. Вишапы установлены на рыбьем хвосте, а изо рта (пасти) бычьей головы высечены волнистые линии – символ водных струй в виде змей. Интересно, что дождевые линии в древних армянских поверьях ассоциировались со змеями, которые тесно были связаны с водой. В данном случае змеевидные водные потоки означали принятие божеством жертвоприношения и, как следствие, ниспослание дождя [Там же, с. 166].

На наш взгляд, символика божества плодородия и любви в ремизовском тексте выявляются посредством косвенных упоминаний: «птичий нос», указывающий на символизирующего божество голубя, а фрагмент «ноги, грузно поднимались скакать» – на быка.

Отметим, что травестии женщин в рыб часто выявляются в фольклорных текстах – армянских сказках и преданьях. Женщины в армянских легендах, стыдясь преступной любви, превращались в рыб. Ср. с превращением в рыбу богини Асгартис вместе со своим дитятей. Женщина превращалась в рыбу также в тонире («Святой тонир» арм. «Սուրբ թնձիր») [Там же, с. 163]. Превращение в рыбу из-за порочной связи – своего рода вариация на тему умирающего божества, когда погружение в воду равняется мистерии о спускании богини в царство мертвых за душой возлюбленного [Там же, с. 165]. Между тем богиня Астхик и ее функциональные двойники Асгартис, Иштар и Шамирам являются героинями аналогич-

ных легенд об умершем и воскресшем божестве: Шамирам-Ара Прекрасный, Иштар и Гильгамеш, Иштар-Таммуз, Астарта (Аштарг) – Адон, Афродита – Адонис.

Возвращаясь к образу Мелюзины, подчеркнем ее связь с водой, плодородием, отметим оборотничество феи, характерный светящийся камень на ее лбу и функцию оповещения о смерти потомков как наглядные следы взаимосвязи с божеством плодородия, претерпевшей трансформацию.

Поджог монастыря – судьбоносное событие, заставившее задуматься о субботных уединениях Мелюзины. Борьба доверия и тайны в душе Раймонда сопровождается сновидением, столь значимым в творчестве писателя.

Застигнутая врасплох, Мелюзина издает душераздирающий крик и улетает. Чудо-город исчезает, а на его месте появляется лес, Мелюзина и Раймонд расстаются навеки, и фея попадает в круг «забытых Богом».

Род Лузиньян (Лусиньян), прародительницей которого считается фея Мелюзина, прочно связан с армянским царством Киликии, а также с Малой Арменией. По историческим данным, во времена сложения легенды о Мелюзине представители династии Лузиньян, как уже отмечалось, посредством заключения браков стали королями Кипра и Малой Армении.

Сестра Мелюзины Палатина должна стеречь сокола в замке в Армянском царстве. Ее проклятие является трансформацией мифа перехода души в иное царство на спине птицы, в дальнейшем перешедшего в крылатого коня или дракона.

Младшая сестра Мелеас представлена в связи с походами крестоносцев. Она сможет обрести свободу, передав сокровища отца рыцарю, который должен был использовать их для освобождения христианских святынь.

В результате всестороннего фольклорно-литературного анализа нами было установлено, что в образе Мелюзины ярко проявляются параллели как внешнего облика, так и функциональные, с армянскими языческими божествами любви и плодородия: Астхик – Анаит а также с их функциональными двойниками Иштар – Деркетто – Семирамида – Астаргис – Афродитой, которые также были связаны с культом воды и дождя (грома, тумана). Отмечено, что языческое божество любви и плодородия часто представлялось в образе рыбы, лягушки или змея. Все аналогичные персонажи, как и Мелюзина, выявляют связь с лунной символикой, а также с потусторонним миром. Нами выявлено сходство образа Мелюзины с рыбоподобными и змееподобными персонажами армянских фольклорно-мифологических текстов. Большой светящийся камень на лбу Мелюзины являет собой отголосок мотива волшебного камня на голове царя змей или лягушек.

Повесть А. Ремизова «Мелюзина» считаем целесообразным отнести к общей группе сюжетного типа «Чудесный супруг» (AaTh 400–495) [Андреев, 1929, с. 34]. При этом для легенды о Мелюзине выявляется более детальное соответствие с дополнением к данному сюжетному типу, предложенным Л. Бараг и др., – СУС 409 А* «Жена-змея»: вытщенная из огня змея превращается в женщину и выходит замуж за своего избавителя; человек обещает никогда не называть жену змеей; она вновь становится змеей, когда это обещание нарушено, и исчезает [СУС, 1979, с. 131].

Спецификой повести А. Ремизова «Мелюзина» является своеобразное эклектическое соединение настоящего и прошлого, реального и ирреального, истории Армянских царств, царских династий и «бродячих» легенд о женщинах-змеях. Армянские предания, ирландские, скандинавские саги, европейский рыцарский

роман и русские переложения XVII в. составляют единое пространство повести А. Ремизова, вбирая в себя исторические события дальних времен.

Список литературы

- Абегян М.* «Вишапы» как статуи богини Астгик-Деркетто // Абегян М. Собр. соч. Ереван: Изд-во АН, 1975. Т. 7. 602 с. (на арм. яз.)
- Ананикян М.* Мифы Армении. М.: Центрполиграф, 2010. 190 с.
- Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Гос. Рус. геогр. об-во, 1929. 120 с.
- АНС – Армянские народные сказки. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР. 1959. Т. 2. 659 с.; 1962. Т. 3. 672 с.; 1979. Т. 7. 768 с.; 1977. Т. 8. 904 с. (на арм. яз.)
- АС – Армянские сказки / Пер. Я. Хачатурянца, М. Шагинян. 2-е изд. Л.: Academia, 1933. 384 с.
- Афанасьев Н.* Народные русские сказки: В 5 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. Т. 2. 320 с.
- Баринг-Гоулд С.* Мифы и легенды Средневековья / Пер с англ. И. Б. Куликовой <Гл. Мелюзина>. М.: Центрполиграф, 2009. URL: https://loveread.ec/view_global.php?id=74071 (дата обращения 10.16.2021).
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 278 с.
- Кешишян М. С.* О семасиологии орнаментов бронзовых поясов // Вестник общественных наук. 2007. № 2. С. 248–256. (на арм. яз.)
- Лалаян Е.* Провинция Новый Баязет // Этнографический журнал (Тифлис). 1908. Кн. 17. С. 86–125. (на арм. яз.)
- Лалаян Е.* Варанда // Этнографический журнал (Тифлис). 1897. Кн. 2. С. 4–244. (на арм. яз.)
- Мелик-Пашаян К. В.* Культ богини Анаит. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1963. 164 с. (на арм. яз.)
- Петросян Э.* Боги и ритуалы Древней Армении. Ереван, 2004. С. 30–31.
- Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Шахазиз Е.* Новый Нахиджеван и новонахиджеванцы // Этнографический журнал (Тифлис). 1902. Кн. 9. С. 5–82. (на арм. яз.)

References

- Abegyan M. “Vishapy” kak statui bogini Astgik-Derketo [“Vishaps” as a statue of the goddess Astghik-Derketo]. In: Abegyan M. Collection of works. In 7 vols. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences, 1975, 602 p. (in Armen.)
- Afanasev A. N. Narodnye russkie skazki [Russian Folktales]. In 5 vols. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub State literary publisher, 2008, vol. 3, 320 p. (in Russ.)
- Ananikjan M. Mify Armenii [Myths of Armenia]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2010, 190 p.
- Andreev N. P. Ukazatel’ skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne [The index of fantastic plots according to the Aarne system]. Leningrad, State Russian Geographical Society Publ., 1929, 120 p. (in Russ.)

- Armyanskie narodnye skazki [Armenian folktales]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian Soviet Socialist Republic Publ., 1959, vol. 2, 659 p.; 1962, vol. 3, 672 p. 1979, vol. 7, 768 p. 1977, vol. 8, 904 p. (in Armen.)
- Armyanskie skazki [Armenian fairy tales]. Transl. by Y. Khachaturyants, intr. by M. Shaginyan. 2nd ed. Leningrad, Academy, 1633, 384 p. (in Russ.)
- Dyumezil Zh. Osetinskij epos i mifologiya [Ossetian epos and mythology]. Moscow, Nauka, 1976, 278 p. (in Russ.)
- Keshishyan M. S. O semasiologii ornamentov bronzovykh poyasov [On the semasiology of ornaments of bronze belts]. *Bulletin of social sciences*, 2007, no. 2, p. 248–256. (in Armen.)
- Lalayan E. Provintsiya Novyj Bayazet [New Bayazet Province]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1908, no. 17, p. 86–125. (in Armen.)
- Lalayan E. Varanda [Varanda]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1897, Book 2, p. 4–244. (in Armen.)
- Melik-Pashayan K. V. Kul't bogini Anait [The cult of the goddess Anahit]. Yerevan, Arm. Academy of Sciences Publishing House, 1963, p. 164. (in Armen.)
- Petrosyan E. Bogi i ritually drevnej Armenii [Gods and rituals of Ancient Armenia]. Yerevan, 2004, p. 30–31. (in Russ.)
- Remizov A. M. Limonar' [Limonar]. In: Remizov A. M. Collection of works. In 10 vols. Moscow, Russian Book Publ. House, 2001, vol. 6, 784 p. (in Russ.)
- Sabin Baring-Gould Meljuzina [Melusine]. Myths and legends of the Middle Ages (Chapter 19. Melusine). Moscow, Centerpolygraph, 2009. URL: https://loveread.ec/view_global.php?Id=74071 (accessed 10.16.2021). (in Russ.)
- Shahaziz E. Novyj Nahidzhevan i novonahidzhevancy [New Nakhichevan and New Nakhidjevans]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1902, vol. 9, p. 5–82. (in Armen.)
- Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Саакян Эгине Артаковна – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы, Ванадзорский государственный университет имени Ованеса Туманяна (Ванадзор, Республика Армения)
sahakyanheghine@mail.ru

Information about the Author

Heghine A. Sahakyan – lecturer of the Department of Foreign Languages and Literature, Vanadzor State University after Hovhannes Toumanyan (Vanadzor, Republic of Armenia)
sahakyanheghine@mail.ru